

Сенсацией этого киногода стало присуждение сразу нескольких «Оскаров» американскому фильму «Танцы с волками». Дебютант Кевин Костнер, поставивший эту историческую эпопею из времен гражданской войны и сыгравший в ней главную роль, стал «режиссером года», опередив в борьбе за этот престижнейший титул таких знаменитостей, как Скорсезе, Колпола, Фрэнк. Мы полагаем, что нашим читателям будет интересно узнать о том, как задумывалась и снималась эта самая знаменитая лента уходящего года. Об этом — материал, опубликованный в американском журнале «Премьер».

Кевин Костнер

Большинство деловых встреч Кевин Костнер проводит в своем комфортабельном офисе в Голливуде за большим дубовым столом, вокруг которого стоят огромные мягкие диваны. Немного игривая атмосфера вполне отвечает непринужденной манере хозяина. Как раз сейчас он рассматривает проекты рекламных плакатов к своему новому фильму «Танцы с волками». Его фамилию, как он считает, следовало бы написать похрупнее, позаметнее.

Костнер — вполне кассовая «звезда», но его редко увидишь на экране с автоматом наперевес. На некоторое время благодаря «Дархэмским быкам» и «Полю мечты» его эмблемой стали мяч и бита. И хотя и в «Мести», и в «Танцах с волка-

ми» в руках у него появляется оружие, его успех определяется не тем, что он взял на себя роль безжалостного супермена со сверхразвитыми мышцами. Видимо, он просто нравится американцам; нравятся его полуживая улыбка, пронзительные голубые глаза, долговязая фигура, мальчишество в сочетании с мужественностью. А доказательство этой зрительской симпатии в том, что на него ходят смотреть даже тогда, когда он появляется в не столь броских, но неглупых фильмах, которые порой переживают своих крупнобюджетных конкурентов.

Отважившись взяться за «Танцы с волками», Костнер все поставил на карту. Даже либерально настроенный «Орион» крепко призадумался, прежде чем решиться на прокат «Танцев» — фильма, таящего в себе столько опасностей. Во-первых, это исторический вестерн, во-вторых, средства не хватало, режиссер — дебютант, среди актеров в основном индейцы; тема — расовое неравенство, к тому же фильм длинный, с субтитрами... Большинство студий сразу же отказалось...

Между тем «Танцы» (сценарий написал Майкл Блейк по собственному роману) идеально подходят Костнеру. Его герой участвует в героической гражданской войне и совершает путешествие в стиле Джона Форда в районы, все еще принадлежащие индейцам. Лейтенант Данбар почти растрояется в племени, с которым подружился, тогда как неосторожные американские кавалеристы в синих мундирах превращаются в злодеев. Как актер Костнер здесь показывает себя с наилучшей стороны. Его герой не потерял способность удивляться, в то же время умеет понять другую

культуру. Костнер демонстрирует и смелые трюки: например, в сцене охоты он несется на лошади, отпустив поводья, сквозь стадо быков.

Когда выяснилось, что средства не хватает, Костнер нашел выход — деньги, полагающиеся ему как исполнителю и режиссеру. Решение было принято очень быстро, но, правда, лишь после консультации с женой Синди, с которой они вместе уже двенадцать лет. (Обе их дочери — Энни и Лили, как и двухлетний сын Джоу, появляются в фильме.)

Костнер разговаривал с Беристайном, когда позвонила Синди. Извинившись перед Беристайном, он обратился к жене голосом, который сразу вместо делового стал спокойным и интимным. По-видимому, американцы видят Костнера на экране таким же, каким он бывает со своими близкими, — обыкновенным, довольно искренним тридцатипятилетним парнем, который непонятно как оказался участником абсурдно дорогой игры. Хотя надо сказать, что он прекрасно понимает расстановку сил в этой игре.

— Я обратил внимание на вашу машину.

— Да, это та самая, которая использовалась в «Дархэмских быках». Стоит мне на ней куда-нибудь поехать, как ее тут же обступают и начинают обсуждать. Я мало что смыслю в машинах, даже терминиров не знаю. Но если судить по тем ролям, которые я играл, видимо, можно подумать, что я в состоянии починить машину. Правда, теперь я уже не пасую перед какой-нибудь пустячной поломкой в пути: как Гек Финн, я стараюсь вложить гаечный ключ в руку кому-нибудь другому. Или это с краской Том Сойер проделывал?

— Что-то не вижу ничего, оставшегося на память о «Танцах». Но вы-то оставили на съемочной площадке солидную сумму, миллиона два. И не было никакой гарантии, что вы их снова получите.

— Да, не думайте, что я ничего не понимаю в деньгах. Я и не сорю ими. Но для фильма эта сумма была нужна. Я решил, что раз я перерасхододал средства, значит мне и нужно обо всем позаботиться. Но деньги — это самая незначительная из наших проблем. Вся моя жизнь — логически обоснованное приключение. Я не делаю ничего такого, чего, мне кажется, я сделать не могу.

— Почему вы предпочли независимое финансирование, а контракт заключили со своими давними друзьями из «Ориона»?

— Я с самого начала избегал студий, потому что ставил сложные условия. Не в смысле денег, а в смысле свободы. Последнее слово должно было остаться за мной, фильм я хотел снимать продолжительностью не менее двух с половиной часов, я хотел субтитры. Все это для них равносильно смертному приговору.

— В нескольких ключевых ролях снимались индейцы. Не страшно было поднимать такой большой кровавый пласт истории коренных американцев?

— Я не пытаюсь искупить то, что было сделано. Просто такой сюжет. Некоторые критики ругали «Клич свободы»: «Интересный сюжет, но почему в центре не негр?» Так уж получилось, что то была история про Кэвина Клайна — Дональда Вудса. А моя история про Данбара, и разворачивается она именно на таком фоне. Если бы я хотел сделать вид, будто точно знаю, как ведет себя индеец, я бы снял фильм про индейца. А я только знаю, что люди есть люди, именно так я и отношусь к ним в фильме — с уважением. Они радуются, боятся, любят своих детей. Я не закрываю глаза на то, что они могут быть и хорошими, и плохими, и безразличными.

Рабочий момент фильма «Танцы с волками»

— Вы считаете, что для достижения этой цели вам было необходимо, чтобы персонажи говорили на своем языке. Отсюда и субтитры, ставшие камнем преткновения для студий?

— Ни одна студия не соглашалась на субтитры. Слишком велик риск, учитывая сегодняшнего зрителя. Но я подумал: «Если хочешь, чтобы фильм принес доход, сними его о том, о чем на самом деле хочешь. Не бойся». Зритель должен знать, что ты честен, что есть история. Это не значит, что фильм понравится, но по крайней мере ты говоришь чистую правду.

— Прежде чем Данбар осел в индейском племени, произошла схватка между ним и неотесанным жителем Дикого Запада по имени Тиммонс, с которыми позже они почти подружились.

— Вы когда-нибудь путешествовали со школьным приятелем? Было так, что вы три дня не разговариваете друг с другом? Случалось сказать: «А пошел ты... Я с тобой больше не разговариваю»? Вот что-то в этом роде, по-моему, произошло между ними, и Данбар сожалеет, что целился в этого человека. С точки зре-

ния зрителя, Тиммонс свинья, но в конце концов мы понимаем, что он просто человек.

— Он — одна из тех, которыми отмечен путь Данбара прочь от цивилизации.

— Очень часто в крупных фильмах бывает один центральный объект или одно центральное событие, вокруг которого разворачивается действие. В «Танцах» их несколько. Это гражданская война, охота на быков, к ним же можно отнести Тиммонса, потом засада, всего около пяти. Много насилия, много действия, но общую тональность фильма всегда определяют словом «нежная».

— Сейчас «Танцы с волками» выходят — это ваш первый собственный фильм. Что вы думаете о своем новом поприще?

— Я не впадаю в крайности. У меня самые традиционные вкусы. Я хочу сказать, что когда речь идет о таком тонком фильме, ставку нужно делать на режиссера. Только ведь это все равно что делать ставку на крысу. Но никто не ставит на крысу. Ставят на того, кто ее поймает.

М. Теракопан
(по материалам журналов «Тайм аут» и «Премьер»)